

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

Вып. XXVII

АФРИКА

(География, история, культура, экономика)

Москва
Главная редакция восточной литературы
1991

Г. Л. Гальперин

К ВОПРОСУ О МИГРАЦИЯХ НАСЕЛЕНИЯ В ЭФИОПИИ

(до революции 1974 г.)

Под миграциями населения в настоящей работе понимают достаточно массовые, повторяющиеся или разовые — как стихийные, так и организованные — перемещения населения, вызываемые социально-экономическими, политическими, историко-этническими или природно-географическими причинами либо той или иной совокупностью таковых.

История Эфиопии, как и прошлое других африканских стран, дает немало примеров разной по характеру и масштабам подвижности населения. Надо отметить, однако, что миграционные процессы в предреволюционной и революционной Эфиопии изучены куда меньше, чем исторически более давние перемещения населения в пределах страны и региона (Африканский Рог). В определенной мере, как представляется, это связано с тем, что научный анализ миграций населения в последние два-три десятилетия перед эфиопской революцией стал бы одновременно политическим приговором режиму Хайле Селассие I — а на это по разным обстоятельствам отваживались немногие. Другая причина — скудость и противоречивость источников, как литературных, так и полевых. И наконец, третья — известная недооценка исследователями значения, масштабов и последствий перемещений населения Эфиопии.

С 50-х годов становится все более очевидной роль капиталистического уклада в Эфиопии как ведущего, системообразующего. Но рост капиталистических отношений, обусловленный внутренними и внешними факторами (воздействие международного капиталистического хозяйства), замедлялся огромным грузом докапиталистических, а в ряде районов и раннефеодальных и дофеодальных производительных сил и производственных отношений [7, с. 14]. Все это не могло не сказаться на характере миграций населения, и прежде всего трудовых, которые нас больше всего интересуют. К ним в самом широком толковании этого термина в данных заметках причисляются перемещения населения, вызванные необходимостью и относительной возможностью получения на условиях найма основных или дополнительных доходов вне места проживания мигранта. Однако предварительно следует остановиться на основных ти-

лах нетрудовых миграций населения в дореволюционной Эфиопии.

К таким миграциям надо отнести существующие и сегодня традиционные перемещения населения, связанные с типом хозяйства. Это прежде всего миграции скотоводов-кочевников в обширных периферийных районах, занимающих не менее половины территории страны. В нормальных условиях время и направление кочевок целиком определялись режимом водообеспечения, носили очевидный сезонный характер. Многие традиционные маршруты пересекали государственные границы. Территория кочевых и полукочевых народов относилась к категории «государственных земель», и уже одно это обстоятельство позволяло режиму Хайле Селассие I распоряжаться такими землями по своему усмотрению (наиболее часто приводимый пример произвола — изгнание скотоводов-афаров с пастбищных угодий в долине р. Аваш в период «плантационной колонизации» этого района).

Другой традиционный тип нетрудовых миграций — торговые. Самые массовые — регулярные посещения крестьянами сельских (один, реже — два раза в неделю) и городских рынков. По мере удлинения «радиуса притяжения» рынков, появления новых центров (с 50-х годов) интенсивность таких миграций заметно возросла. К торговым миграциям можно отнести регулярные путешествия за солью («амоле») в Данакиль, перегоны скота на скотобойни, поездки крестьян к появившимся в начале 60-х годов крупным закупочным пунктам-зернохранилищам. Активными участниками торговых миграций были торговцы-арабы, выполнявшие нередко и роль посредников. Сформировались стабильные контрабандные маршруты. Постоянные торговые вояжи в предреволюционной Эфиопии стали совершать и амхара, что еще сравнительно недавно было бы невероятным.

Другая форма массовых традиционных перемещений населения — паломничество. Исторические христианские центры паломничества утратили свое значение. В канун революции крупнейшим стал Кулуби, близ мусульманского Харэра, «привязанный» к наследственной вотчине рода Хайле Селассие I. Там периодически собиралось по несколько сотен тысяч человек, в том числе и из весьма отдаленных районов. Особую, постоянно обновляемую категорию внешних мигрантов составляли паломники-мусульмане (эфиопы и жители других стран Африки), направлявшиеся в Мекку и Медину через Массауа, реже — Асэб. Транзитный хадж носил, однако, ограниченный характер — основная масса паломников переправлялась через Красное море из суданских портов. Иногда паломники, как христиане, так и мусульмане, навсегда оставались в одном из транзитных пунктов [6, с. 106—107].

Может быть, специфически эфиопским (в Африке) видом массовых миграций следует назвать бродяжничество. Обычно

это были мигранты, навсегда порвавшие с родной деревней, общиной, реже — с городом и не сумевшие закрепиться в каком-либо определенном месте, — нищие, люмпены, калеки. Особую категорию составляли учащиеся традиционных церковных школ — в этих случаях исходными пунктами были, по нашим наблюдениям, церковные центры в Гондэре и Годжаме. В канун революции ряды бродяг заметно пополнили согнанные с земли крестьяне, в частности в районах «зеленой революции» (см. ниже).

В научной литературе практически не содержится сведений об особой категории мигрантов, сельских или городских жителей, которых императорский режим насильственно переселял в южные и западные районы страны. Речь идет о заключенных, в том числе и политических (пересыльные тюрьмы нам приходилось видеть в Гондэре, Дангле). Политические ссыльные во многих случаях стали активными участниками революции — в канун и после свержения феодально-монархического строя.

Наиболее массовыми и устойчивыми оказались начавшиеся еще на рубеже XIX и XX вв. стихийные перемещения земледельческого населения из северных и центральных районов Нагорья на юго-запад, а также на юг. Необходимость и возможность таких миграций могли созреть именно в феодальной Эфиопии; они появились в результате феодальной колонизации обширных районов на южной и западной периферии империи, с одной стороны, и феодально-церковного гнета общины и обезземеливания крестьян-общинников на севере — с другой. Главными исходными районами «крестьянских миграций» были Годжам, Гондэр, часть Уолло, Тыграй, а конечными пунктами — главным образом Уоллега, Южное Шоа, Северное Сидamo, Арси, Северное Бале, Гамо-Гофа, некоторые пограничные с Суданом районы. Основной миграционной единицей была, как правило, семья, но в периоды стихийных бедствий (засухи), а в предреволюционные годы — во время массового изгнания крестьян-арендаторов миграции приобретали четко выраженный групповой характер.

А. Вуд (сотрудник географического факультета университета в Лусаке) указывает, что в последние 25 лет перед революцией «стихийные переселения сельского населения стали заметным явлением, и примеры тому можно было найти почти во всех провинциях» [36, с. 157]. Он утверждает, что такие миграции охватили в 1950—1974 гг. более 1 млн. человек, а площадь вновь освоенных в результате этого земель увеличилась на 25%. Если вторая цифра представляется явно завышенной, то число переселенцев, напротив, видимо, занижено. О довольно значительных масштабах миграций земледельческого населения с севера на юг говорится в докладе эфиопской Комиссии по оказанию помощи и восстановлению и в отчете специальной комиссии МОТ [17, с. 80; 33, с. 14].

Одновременно в северных и центральных районах, а также в некоторых южных участились локальные миграции «вниз», по кромке плато и нагорий, в речные долины, в районы высотного-природного пояса — «колла». Там осваивались участки, обычно неудобья, на которые не существовало фиксированного права владения. Стихийное, а позже отчасти организованное (плантационное) освоение этих районов росло по мере ликвидации очагов малярии и эпизоотических заболеваний, развития инфраструктуры, прежде всего транспорта (особенно на отдельных участках Рифтовой зоны), по мере увеличения объема и достоверности информации, носителями которой были мигранты-отходники, кочующие торговцы, посредники-перекупщики и др. А. Вуд справедливо полагает, что короткие миграции «вниз» не вели к сколько-нибудь заметной разреженности плотности населения, зато расширяли (и, на наш взгляд, очень быстро) зону негативных экологических аномалий. Дальние же миграции имели определенный положительный эффект, если говорить о сельской Эфиопии в целом, точнее — о проблеме выживания разоренного, безземельного и малоземельного крестьянства. Эти стихийные миграции вполне устраивали режим Хайле Селассие I, поскольку, как верно заметил тот же А. Вуд, служили «клапаном» для ослабления серьезного потенциала отчаяния, ненависти, протеста, зревшего в эфиопской деревне [36, с. 161].

Организационная занятость населения вне места проживания создавалась в феодальной Эфиопии принудительными, крепостническими мерами, нередко и на принципах рабовладения. Миграции такого рода были связаны главным образом с обслуживанием нужд царской и феодальных дружин, столичных (в том числе, кстати, и «мигрирующих») поселений, крупных монастырей. Характерный пример — массовое переселение в новую столицу, Аддис-Абебу, на дарованные знати участки дворовой челяди и работников из числа военнопленных-рабов [32, с. 256]. Позже — принудительное переселение помещиками-абсентеистами части городской челяди в свои обширные жалованные поместья на юге страны (в качестве надсмотрщиков, мелких клерков, сторожей и т. п.).

Миграции населения в феодальной Эфиопии не вели к сколько-нибудь заметным социально-экономическим структурным изменениям. И позже развитие капиталистических отношений как в городе, так и деревне, вовлечение Эфиопии в сферу влияния и давления международного капиталистического хозяйства не были настолько глубокими, интенсивными, чтобы трансформировать или ликвидировать многие традиционные перемещения населения, особенно на периферии страны. Вместе с тем именно зарождение и развитие капиталистического уклада создали условия, определяющие необходимость и возможность нового типа миграций — трудовых, в том числе ведущих к серьезным социальным сдвигам, прежде всего к превращению части (пусть

небольшой) феодально-зависимых крестьян, включая общинников, в наемных сельских и городских работников, полностью или почти полностью отчужденных от собственности на землю и права ее использования на условиях аренды и все чаще — от уз общинной, клановой, этнической зависимости, которая нередко чрезмерно подчеркивается многими западными африканистами. При этом даже сезонные, в том числе и разовые трудовые миграции вели к определенным социально-психологическим сдвигам. «„Перекочевыванья“ означают создание подвижности населения, — писал В. И. Ленин о российской деревне на рубеже XIX и XX вв. — Перекочевыванья являются одним из важнейших факторов, мешающих крестьянам „обрастать мхом“, которого слишком достаточно накопила на них история. Без создания подвижности населения не может быть и его развития, и было бы наивно думать, что какая-нибудь сельская школа может дать то, что дает людям самостоятельное знакомство с различными отношениями и порядками и на юге и на севере, и в земледелии, и в промышленности, и в столице и в захолустье» [1, с. 246]. Видимо, не случайно постоянные отходники одними из первых в Эфиопии встали на сторону антипомещичьей революции, создавая «очаги брожения» как в исходных, так и в приемных пунктах миграций.

В основе трудовых и некоторых нетрудовых миграций в предреволюционной Эфиопии были ускоренное разрушение натурального хозяйства, чрезвычайно низкий жизненный уровень внегородского населения, обусловленный необычайно низкими же продуктивностью сельского хозяйства, производительностью труда, малоземельем и безземельем миллионов крестьян, очень высокой долей прибавочного продукта крестьянского труда, присваиваемого помещиком, церковью, государством, общинной верхушкой. Другие причины — аграрное перенаселение, безработица и неполная занятость в деревне и в городе, исторически сложившееся крайне неравномерное размещение земледельческого населения, связанные с таким размещением негативные экологические процессы, разрушительная сила которых резко усилилась под воздействием стихийных бедствий (хронической засухи в 70-х и первой половине 80-х годов). Большинство исследователей, как эфиопских, так и западных, называют все или часть этих очевидных побудительных факторов.

Результаты обследования сельских районов (1968—1970 гг., без Эритреи) показали, что владельцы 33% из 3,5 млн. сеющих хозяйств назвали в качестве главной причины невозможности дальнейшего увеличения производства нехватку земли; и действительно, 92,6% всех этих хозяйств обрабатывали участки менее 4 га и 82,4% — менее 2 га (рассчитано по [25]; см. также [7, с. 21, 186—188]). Подавляющее большинство крестьянских хозяйств едва обеспечивали и все чаще не обеспечивали минимальную потребительскую посемейную норму. И это при том,

что крестьянские участки были в Эфиопии, как правило, больше, чем в среднем в Тропической Африке. Однако такой преимущественный фактор сводился на нет из-за переистощения почв, более низких урожаев и, главное, из-за откровенно грабительских поборов. Побудительные причины для миграций создавало и перманентное дробление земельных участков, «отпочкование» хозяйств детей от родительских. Обработка крошечных наделов, как отмечает известный эфиопский ученый Мэсфын Уольдэ Мариам, «становилась неэкономичной даже с точки зрения натурального хозяйства» [4, с. 239]. Это было особенно характерно для общинных районов Севера. Община перестала быть гарантом воспроизводства даже на самом низком, нищенском уровне.

Не следует забывать и о постоянном росте численности сельских жителей и, следовательно, одновременном сокращении площади земельных угодий на душу населения. Так, в 1970—1975 гг. плотность земледельческого населения (с учетом безвозвратных миграций в города и гибели от голода свыше 200 тыс. сельских жителей) увеличилась со 176 до 208 человек на 1 кв. км, или на 18% [6, с. 147].

Измельченность земельных участков, деградация хозяйств малоземельных и безземельных крестьян-арендаторов, невозможность в силу социальных (система землевладения и землепользования) или чисто экономических причин обрабатывать пустующие земли высвобождали немалое число работников. По подсчетам эфиопских экономистов, для обработки крестьянских участков в Центральной и Северной Эфиопии достаточно было в среднем двух работников на хозяйство вместо имевшихся трех-четырех. Именно общинный север стал основным поставщиком отходников в другие районы страны, мигрантов в города. Даже в отдельно развитом аграрном районе Чилало (провинция Арси) крестьяне были заняты производительным трудом в среднем в течение лишь $\frac{1}{3}$ дневного (светлого) времени [17, с. 16]. Застойное аграрное перенаселение в совокупности с растущей безработицей в городах стало, как и во многих других развивающихся странах, серьезнейшей национальной проблемой, которая усугублялась в предреволюционной Эфиопии политическими, этнорелигиозными и другими противоречиями.

Первый ощутимый импульс к росту трудовых миграций — как стихийных, так и организованных (в данном случае насильственных) — связан с периодом итальянской оккупации [6, с. 13, 100; 26, с. 719, 720 и др.]. Речь шла об ускорении процесса разложения феодально-рабовладельческих структур, патриархальной деревни, о начале периода капиталистической урбанизации. Итало-эфиопская война привела к разорению сотен тысяч крестьянских хозяйств, к перемещению значительных масс населения. Но одновременно в тот период заметно возросло использование наемного труда — в городах, на соору-

жении дорог, первых энергоустановок, в ходе освоения товарных плантаций, в сфере поставок для оккупационных войск и т. д. В послевоенной Эфиопии наряду с необходимостью поисков работы для немалой части населения постепенно, особенно с 50-х годов, стали появляться пункты притяжения мигрантов, новые рынки рабочей силы: промышленные предприятия и центры, городское коммунальное хозяйство и городское ремесленное производство, плантации, районы производства товарного, в том числе экспортного, кофе, внегородские стройки и т. д.

Вместе с тем развитие капиталистических отношений стимулировало и насильственное перемещение значительных масс населения. Примером могут быть десятки тысяч крестьянских семей, согнанных с арендуемых участков в районах, где проводились эксперименты с «зеленой революцией» (сам этот термин в Эфиопии не употреблялся). Очаги «зеленой революции» (главный — в районе Чилало, провинция Арси) появились в в конце 60-х годов. Они развивались в архаичной социально-экономической оболочке. Речь шла о становлении капиталистического хозяйства при монополии на землю немногих крупных и средних феодальных собственников. Ажиотаж, спекуляции земель, введение механизации, резкое увеличение арендной платы привели к обогащению узкого круга землевладельцев, появлению прослойки хозяйств кулацкого типа и одновременно к массовому разорению крестьян-арендаторов, часть из которых была согнана с земли [7, с. 35]; таков же вывод большинства эфиопских и западных исследователей (см. [10, с. 9; 16, с. 114, 115; 17, с. 17; 27, с. 16, и др.]). Были разорены, разъединены тысячи и тысячи крестьянских семей. Лишенные земли крестьяне становились батраками, постоянными и сезонными плантационными рабочими, пополняли ряды городских безработных, люмпенов, бродяг, уходили на строительные (как правило, дорожные) работы. Часть из них в канун революции с оружием в руках ушла в горные леса. Мэсфын Бызунех, Маббс-Зено и К. Карл справедливо отмечают, что именно в очагах «зеленой революции» накапливался значительный революционный потенциал [27, с. 16].

В Эфиопии известны почти все виды трудовых миграций по направлениям: «деревня — город», «деревня — деревня» (например, отходничество в районы сбора кофе), «город — город» (позтапное «соседание» в мелких городах на пути в столицу и др.), «город — деревня» (сезонная занятость городских безработных в крупных товарных хозяйствах), «город (или деревня) — внегородская стройка» (чаще всего дорожные работы). Внешняя трудовая миграция, столь значительная в некоторых странах Южной и Западной Африки, не была развита. (Правда, в 60-х годах появились некоторые постоянные маршруты — в отдельные пограничные, в основном хлопководческие, районы Судана, но позже в связи с обострением ситуации в ре-

гионе эти миграции прекратились.) Весьма разнообразны были перемещения населения и по срокам — от исчислявшихся днями и неделями до безвозвратных.

При всем разнообразии типов, сроков и направлений трудовых миграций основные причины, их вызывающие, всегда одни и те же — социально-экономические. Сам термин «трудовая миграция» выражает ее суть — работа по найму за пределами места проживания. Видимо, всякие моральные, духовные, психологические, культурные факторы — не первопричина, как указывают многие западные исследователи, а следствие или повод. Внеэкономические стимулы можно определить как «вторичные причины». Например, стремление мигранта приобрести новые — городские — трудовые навыки, тяга к «промышленному обучению» — явление вторичное, результат, как правило, уже свершившейся миграции, стремление сделать свое пребывание вне деревни наиболее рациональным (эти соображения подтверждаются, например, моими беседами с сезонными и постоянными рабочими на строительстве ГЭС Тис-Бисат близ Бахр-Дара).

Интенсивность трудовых миграций определялась многими факторами: нуждой в заработках в денежной форме, дефицитом земли, емкостью рынка рабочей силы, особенно вне деревни, протяженностью и постоянством миграционных маршрутов, сроками и повторяемостью миграций, развитием транспортной сети, семейным положением мигранта, некоторыми этнопрофессиональными особенностями и т. д. В то же время известная специфика эфиопской деревни ограничивала масштабы миграций. Во многих африканских странах община являлась и является, как известно, гарантом сохранения земельной доли мигранта, даже если он отсутствует несколько лет. На севере Эфиопии «рыст общины» (гарантированное право крестьян-общинников на свою долю) претерпел значительные изменения. Превращение общинного землевладения фактически в частно-долевое, растущие противоречия между малоземельными общинниками и общинной верхушкой, концентрация земли и власти в руках последней — все это создавало для мигрантов (а они все без исключения были должниками зажиточных общинников и местных помещиков-администраторов) риск потерять землю, право «рыст». На юге сдерживающими факторами были совершенно неконтролируемый произвол помещиков, сложная система аренды и субаренды, которая привязывала большинство крестьян к земле. Поэтому уход на заработки мог легко обернуться для крестьян лишением земли, права аренды. Тем не менее в предреволюционные годы заметно возросла интенсивность трудовых миграций вообще и доля безвозвратных миграций в частности.

Часто утверждают, что мигрант становится таковым, если за один и тот же период он в состоянии заработать больше вне места проживания. Это утверждение требует, видимо, уточне-

ний. Его можно отнести только к случаям повторных миграций, поскольку у большинства новичков нет никаких гарантий, никакой достоверной информации о том, что их заработки на стороне окажутся выше, чем доходы дома. Очевидно и то, что при существовании на месте даже малейшей возможности заработка в денежной форме вероятность миграции, как правило, резко сокращается.

Потребность доходов в денежной форме, несомненно, оказывала в предреволюционные годы значительное, а в ряде случаев и решающее влияние на интенсивность миграций из деревни. Во-первых, изменилась структура арендной платы, да и всех других поборов с крестьянина — в них все большую долю занимали денежные расчеты (см. [7, с. 39]). Кроме того, появилась нужда в деньгах для покупки товаров, не производимых в деревне, для оплаты новых услуг (например, билета на междугородный автобус) и даже для покупки традиционных товаров, в том числе тех, которые до того сами играли роль денег (соль, перец). Наличия денег требовали и скромные попытки введения новой агротехники, распространение практики купли-продажи земли. Наконец, традиционные формы мобилизации рабочей силы для проведения различных работ — например, для строительства дорог, переправ, церквей и т. д. (тоже, строго говоря, пример организационных локальных миграций) — все чаще стали дополняться или заменяться сбором финансовых средств.

Немалую роль в интенсивности миграций играли, конечно, расстояния между исходными и конечными пунктами. С развитием транспортной сети массовость и частота миграций всех типов значительно усилились. Это в особенности относится к Эфиопии — стране больших расстояний и полного в недалеком прошлом бездорожья. Естественно, что миграционные маршруты на значительном своем протяжении совпадали с новыми дорогами, поскольку последние прокладывались в районы (и в районах) товарного агропроизводства, а также соединяли крупные городские центры. Близкое совпадение Аддис-Абебы с геометрическим центром территории страны определило радиальный рисунок основных автодорог и соответственно дальних миграционных маршрутов. Конечно, мигранты старались выбирать ближайшие приемные пункты, но не исключались и дальние, особенно если отдаленность компенсировалась достоверностью сведений о возможностях заработка (нам приходилось видеть доджамцев на строительстве нефтеперерабатывающего завода в Асэбе), а также если миграция совершалась не впервые. В составе «дальних мигрантов» была больше доля тех, кто уже имел определенные профессиональные (отходнические) навыки.

Большинство мигрантов очень приблизительно представляют себе результаты и, следовательно, сроки миграции, которые зависят от множества факторов, в том числе непредсказуемых,

в пунктах притяжения рабочей силы. При всем разнообразии миграций по срокам можно выделить два основных типа: временные и безвозвратные, или окончательные, переселения. Для временных переселений наиболее характерны сезонные миграции сроком от двух-трех до пяти-шести месяцев. Интенсивность таких миграций в значительной степени определяется спросом на неквалифицированную рабочую силу в исходных и конечных пунктах. Этот спрос, в свою очередь, диктуется такими факторами, как календарь сельскохозяйственных работ (в исходных и приемных пунктах), набор культур, степень трудоемкости основных полевых работ, особенно уборочных (наиболее высоки сезонные потребности в рабочей силе при сборе кофе, хлопка и кунжута), а в городах и на внегородских стройках — объем работ, во многом определяемый и климатической сезонностью. Однако катастрофическое накопление «избыточной» рабочей силы в деревне часто оказывалось решающим фактором. Так, по нашим наблюдениям, в быстро растущем городе Бахр-Даре масштабы отходничества практически не зависели от сезонной занятости жителей деревни и целиком определялись спросом на рабочую силу в этом городе. В сухое время года, когда резко возрастал объем городских (в основном строительных) работ, резко увеличивался наплыв отходников, хотя именно в этот (сухой) период потребность в рабочей силе в деревне особенно велика [6, с. 105, 242].

К временным переселениям относятся также более длительные, чем сезонные, миграции — от одного года до трех лет. Иногда они являлись продолжением сезонной миграции — если отходникам удавалось устроиться на более или менее постоянную работу, решить вопрос с жильем и т. д. Такая перемена иногда обуславливалась и спецификой работ. Так, часть дорожных рабочих, приобретая определенные трудовые навыки, могла пребывать на стройке не сезонно, а в течение всего строительства, кочуя по мере удлинения трассы. При более длительных перемещениях, естественно, ослабевали связи с исходными пунктами миграций, хотя бы уже потому, что мигрант пропускал по крайней мере один сельскохозяйственный сезон в родной деревне. Одним из следствий устойчивых длительных переселений было появление новых населенных пунктов. Они возникали недалеко от строящихся (стационарных) объектов и нередко становились рабочими поселками — по своей социальной и функциональной сути. Подобные поселения мне приходилось видеть, например, у кофейных плантаций на п-ове Зе-гие и близ ГЭС Тис-Ысат. При временных переселениях по сравнению с сезонными заметно увеличивалась доля женщин в составе мигрантов, причем в данном случае речь шла не о проститутках, которые обычно «обслуживали» сезонных рабочих, а о членах семьи мигрантов.

Крестьянин-мигрант чаще всего ищет временную работу. Из этого в общем верного утверждения делается иногда не-

верный, как нам кажется, вывод о том, что даже более или менее прочно закрепившись в конечном пункте, обычно в городе, мигрант раньше или позже возвращается в деревню. Такое мнение легко опровергается всем ходом развития трудовых миграций в Африке вообще и в Эфиопии в частности, бурным процессом урбанизации на континенте. В зависимости от обстоятельств безвозвратная миграция может быть результатом отходничества, временного переселения и даже разовой поездки. Чем продолжительнее сроки миграции, тем выше трудовая квалификация мигранта, тем сильнее его внедеревенские связи, тем меньше шансов на возвращение в исходный пункт миграции. Превращение временной миграции в безвозвратную может быть связано с заменой строительных работ эксплуатационными, с увеличением мощности объекта, в том числе и путем увеличения числа рабочих смен, и т. д. Мигранты, ставшие фабрично-заводскими рабочими, даже в случае увольнения уже, как правило, не возвращались в деревню. Вслед за мигрантами, гораздо реже одновременно, переселялись и семьи или отдельные члены семьи. Нередко число мигрантов увеличивалось и за счет земляков — когда «первопроходцам» удавалось прочно закрепиться на новом месте и существовала хотя бы малейшая возможность заработка [6, с. 104, 105, 106].

Важными центрами притяжения постоянной и сезонной рабочей силы стали осваиваемые иностранным, а позже смешанным и эфиопским капиталом плантационные хозяйства в долине Аваша, в Сетит-Хумэра (близ границы с Суданом), вблизи Асмэры и в долинах рек Барка и Мэрэб в Эритрее, в пригородной зоне Аддис-Абебы. По данным миссии МОТ [17, с. 17, 18], в Сетит-Хумэра, например, в период с июня по январь прибывало до 100 тыс. сезонников, а потребность в начале 70-х годов даже превышала это число. Тысячи крестьян и столичных безработных ежегодно направлялись на плантации сахарного тростника, хлопковые, фруктово-овощеводческие хозяйства в долине Аваша. Они в известной мере заполняли вакуум, который образовался в результате изгнания местного населения — кочевников-афаров. Вместе с тем часть афаров превратилась в сельских рабочих, постоянных и сезонных, особенно на плантациях своего светского и духовного владыки, султана Али Мирахы, который, как отмечал шведский исследователь Л. Бондестам, «был полностью поглощен превращением своего султаната в капиталистическое государство в рамках Эфиопии» [15, с. 436].

Численность сезонных рабочих, естественно, превышала число постоянно занятых. Для стабильного обеспечения рабочей силой крупных товарных хозяйств предпринимались попытки создать рядом с ними «колыца» мелкотоварных хозяйств крестьян-переселенцев. Предполагалось, что крупные хозяйства будут помогать крестьянам техникой, семенами, удобрениями, а те, в свою очередь, поставлять плантациям рабочую силу,

особенно в период сбора. Но из этого ничего не вышло. Правда, в районе Сетит-Хумэра появились хозяйства кулацкого типа, но они сами нуждались в сезонной рабочей силе. Существенной помехой явилось также совпадение набора культур и соответственно календаря сельскохозяйственных работ на плантациях и в крестьянских хозяйствах [6, с. 122]. Остались на бумаге амбициозные планы императорского режима по организованному освоению и заселению бассейна р. Аваш. Владелец плантаций (иностранные компании, дельцы из обуржуазившейся бюрократической элиты, натурализовавшиеся торговые дома) вполне устраивал сложившийся в канун революции рынок рабочей силы — эта «невидимая инвестиция» режима Хайле Селассие I в прибыли плантационных предпринимателей. Правительство, как замечает эфиопский исследователь Тэрфа Соломон, «предоставляло плантационным компаниям не только землю, но и рабочую силу по самой низкой цене» [34, с. 80]. Численность сельских наемных работников, по нашей оценке, составляла в предреволюционной Эфиопии примерно 250 тыс. человек; в это число включены и те, для кого отходничество стало постоянным и необходимым занятием и кто большую часть года проводил, работая по найму на стороне или в поисках такой работы, иногда пропуская несколько сельскохозяйственных сезонов в родных краях.

Наиболее устойчивым каналом сезонных трудовых миграций было отходничество на юго-запад страны, особенно в провинцию Кэфа, на сбор кофе. Местные владельцы кофейных участков сдавали их в аренду крестьянам-землякам, как правило, из своей этнической группы. Владельцы же кофейных участков (кстати, наиболее крупных) — выходцы с севера, включая представителей земельной аристократии, все чаще использовали труд городских безработных, главным образом отходников [7, с. 25, 26]. Большая часть сезонников прибывала из восточного Годжама, южного Гондэра, Шоа (гураре), Уоллеги, Арси и Уолло. В сезон сбора кофе численность населения в кофейнопроизводящих районах увеличивалась за счет мигрантов на 5—10% [35, с. 56], а в области Лиму, главном районе сбора, почти удваивалась [5, с. 84]; общее число сезонников составляло от 50 тыс. до 100 тыс. человек. Приток их приходился на октябрь—декабрь, отток — на январь—март (пик сезона сбора — конец октября — середина декабря).

Средняя продолжительность сезонной занятости мигрантов была два с половиной месяца. Поденная оплата весьма изнурительного, нередко опасного (на участках дикорастущего кофе) труда по сбору кофе составляла в среднем в канун революции 0,75 бырра. Иногда практиковалась денежно-натуральная оплата — 0,5 бырра плюс «кров и харч». Таким образом, оплата труда наемных сборщиков кофе относилась к разряду минимальных в шкале поденной заработной платы в стране. Иногда часть заработка (обычно около четверти) сборщику

выплачивали им же собранными ягодами. Такая форма оплаты практиковалась только в самый разгар сезона, т. е. в период наибольшей активизации торговцев-посредников, которые скупали ягоды за бесценок. Особенный произвол царил на участках, принадлежавших аристократам-северянам, где все операции осуществлялись через полностью коррумпированных управляющих, надсмотрщиков, кладовщиков и т. д. Они пользовались тем, что сезонники с севера, проделав немалый путь, оказывались в безвыходном положении и просто не имели в начале сезона средств, чтобы вернуться.

В предреволюционной Эфиопии немалые масштабы приняла миграция в города, хотя полуфеодальная-полукапиталистическая урбанизация вносила в этот процесс свою специфику. Возникновение современных (послефеодальных) городских поселений связано с периодом правления Менелика II, а на севере, в Эритрее, — с итальянской колонизацией. Аддис-Абеба заметно выросла во второй половине 30-х годов, когда итальянцы собирались сделать этот город центром всех своих восточноафриканских колоний. После изгнания оккупантов стала накапливаться большая масса людей, доведенных до полного разорения и войной, и непомерными поборами помещиков, стремившихся наверстать упущенное за время войны и оккупации. Миграции «деревня — город» постепенно становились одним из важнейших направлений перемещения населения. Росло не только и не столько число городов, сколько темпы прироста городского населения.

Крупными центрами притяжения мигрантов были Асмэра, Дыре-Дауа, Бахр-Дар, Асэлла, Ауаса. Однако главным стал, как и в большинстве других африканских стран, столичный город. В конце 60-х — начале 70-х годов в Аддис-Абебу ежегодно прибывало в среднем 45—50 тыс. мигрантов — больше, чем во все остальные города страны с населением свыше 20 тыс. (табл. 1). Фактический прирост городского населения в 60-х и начале 70-х годов определялся в среднем в 6,7%, в том числе 4,1% за счет «чистой миграции» (приток минус отток мигрантов). Для Аддис-Абебы эти цифры составляли соответственно 7 и 4,7% [29, с. 6, 24—26, 17, с. 55].

Миграция заметно возросла во второй половине 60-х годов, когда в городских поселениях ежегодно стало оседать около 0,45% всего сельского населения. Четвертую часть жителей столицы в 1967 г. составляли мигранты, прибывшие туда после 1961 г. [29, с. 24]. Наиболее высока была доля пришлого населения (на начало 70-х годов) в таких городах, как Бахр-Дар (71%), Назрет (64%), Дзбрэ-Зэйт (63%). Таким образом, речь шла или о новых, быстро растущих промышленных и культурных центрах (Бахр-Дар), или об этапных (промежуточных) населенных пунктах на пути мигрантов в столицу (Дзбрэ-Зэйт), или о том и другом (типичный пример — «срастающиеся города» Назрет — Моджо). Для городских поселений с числом жи-

**Миграция «деревня—город»
(конец 60-х — начало 70-х годов)**

Градация городов	Население		Миграции (среднегодовые данные)								
	всего, тыс.	приш- лое, %	приток			отток			«чистая миграция» (приток минус отток)		
			тыс.	% *	% **	тыс.	% *	% **			
									тыс.	% *	% **
I	613	49,6	44	7,2	31,0	22	3,6	51,0	22	3,6	22,0
II	796	55,7	46	5,8	32,0	8	1,0	19,0	38	4,8	38,0
III	607	...	53	8,7	37,0	13	2,1	30,0	40	6,6	40,0
Всего . . .	2016		143		100,0	43		100,0	100,0		100,0

Источник: [6].

I — города с населением свыше 20 тыс. жителей в каждом, исключая Аддис-Абебу; II — Аддис-Абеба; III — города с населением 5—20 тыс. жителей в каждом.

* В процентах к общей численности населения городов данной градации.

** В процентах к общему среднегодовому числу мигрантов.

телей от 20 тыс. была характерна наибольшая мобильность населения. Это отчасти объяснялось тем, что многие из них являлись обычно временными (этапными) пунктами на миграционных маршрутах в столицу (и в Асмэру). В этих промежуточных пунктах мигранты в ряде случаев обретали определенные (городские) трудовые навыки и получали, как правило, более подробную информацию о возможностях найти работу в конечных пунктах [6, с. 101].

Естественно, что главным исходным районом мигрантов в Аддис-Абебу была «столичная провинция» Шоа. Доля шоанцев среди мигрантов в 1967 г. была 61,5%, в 1976 г. — 58,9% (табл. 2). Еще выше была их доля в канун революции среди занятых в столичной промышленности — 76,1% [13, с. 6]. Меньше всего мигрантов прибывало из провинций Бале, Иллубабор, Кэфа. По оценке Бэкуре Уольдэ Сэмаята, 32, 52 и 70% занятых на промышленных предприятиях в Аддис-Абебе прибыли в столицу в свое время из районов, расположенных в радиусе соответственно в 50, 100 и 150 км [13, с. 7]. Средний возраст мигрантов, прибывших в Аддис-Абебу в 1961—1967 гг., составлял 23 года для мужчин и 21 год для женщин; самая многочисленная (36%) возрастная категория мигрантов в столице в 1967 г. была 15—24 года [29, с. 26, 84].

Следует особо остановиться на городах как центрах этнической интеграции. «Города, — писал Мэсфын Уольдэ Мариам, — являются тем тигелем, в котором идет сплав различных языковых, религиозных и этнических групп населения» [28, с. 13]; из всех просмотренных нами работ только в статье У. Шака,

известного исследователя народа гураге, содержится идея устойчивой «урбанистической трайбализации» [32, с. 251]. Очевидно, что роль городов как центров этнической консолидации зависит от их величины и функциональных особенностей. Так, она выявляется меньше в чисто торговых и транспортных центрах, где контакты людей носят главным образом мимоличный и случайный характер, а рынок рабочей силы ограничен, и больше — в административно-культурных центрах, и особенно многофункциональных городах — Аддис-Абебе, Асмэре, Дыре-Дауа, Назрете, Бахр-Даре.

При основании Аддис-Абебы Менелик II по традиции раздавал представителям знати большие участки земли вокруг дворцового комплекса. На них феодалы селили челядь, рабов. Так появились «сэфэры» (землячество, соседство, становище) как военно-хозяйственные лагеря знати, создаваемые на этнической основе; об этом говорят и исторические названия некоторых районов столицы — Волламо-сэфэр, Гураге-сэфэр, Дорзи-сэфэр и т. д. [32, с. 256; 31, с. 685, и др.].

Закрепившись, мигранты становились «базой» для членов семьи, других родственников, земляков. Эти связи были наиболее устойчивыми среди одной из самых крупных социально-профессиональных групп столичного населения — домашних слуг. В 1960 г. они составляли почти 25% занятых [24, с. 402; см. также: 14, с. 174]; еще и в 1976 г. их доля была очень высока — 16,1% (вычислено по [11]). Состоятельные горожане, особенно осевшие в городах помещики-абсентеисты, набирали слуг, сторожей, приказчиков, поваров, телохранителей и т. д. главным образом из жителей своих сельских владений и из числа дальних родственников («помогающие члены семьи», по официальному определению дореволюционной статистики). И все же, хотя немало мигрантов по-прежнему прибывало в города, используя родственные и земляческие связи, расселяться они уже стали весьма беспорядочно. Этому способствовала и стихийная урбанизация вообще. Система «сэфэр» практически исчезла.

Она начала разрушаться еще в период итальянской оккупации, в том числе и в результате частичного осуществления расистского («зонального») плана расселения столичных жителей. Позже вступили в действие другие факторы. Благодаря стихийному, сравнительно быстрому росту Аддис-Абебы, довольно интенсивным внутригородским перемещениям населения (в 1961—1967 гг., например, местожительство сменили 340 тыс. человек [29, с. 43, 44, 80]) этническая обособленность горожан стала заметно ослабевать. Значительные изменения претерпели и такие очень важные для мигрантов этносоциальные объединения, как «кыддыр», «ыккуб», «мэврэададжа махбэр». Возникшие как общества взаимопомощи и взаимообщения земляков, они превратились позже в административные квартальные объединения, контролируемые городскими властями, а после рево-

люции — в кооперативные организации. Серьезный удар по этническим городским институтам нанесли революция, городские реформы, революционно-демократическая организация городского населения на базе ассоциаций различных уровней. Ряд авторов указывают, что представители крупных народов (амхара, оромо, тыграи) ассимилируются в городах легче и быстрее (см., например, [31, с. 683]), что нашло отражение в широком распространении смешанных браков. В своей изначальной, традиционной форме этнические сообщества земляков и расселение мигрантов по этническому признаку («сэфэр») оказались наиболее стойкими у представителей малых народностей.

Процессы этнической интеграции резко активизировались по мере роста масштабов миграции, ускорения темпов урбанизации вообще. В отличие от мигрантов, например, многих западноафриканских стран большинство мигрантов-эфиопов рассматривают важным средством общения — амхарским языком. Более того, знание амхарского языка во многом определяло шансы успешной миграции. Несмотря на относительно многоязычие в стране, можно говорить совершенно определенно о процессе превращения наиболее крупных городов в одноязычные населенные пункты. Так, более половины городского населения в канун революции пользовались только амхарским языком [6, с. 65]. При этом явно проступает такая тенденция: чем крупнее город, тем более широкое распространение получает амхарский язык. В Аддис-Абебе им в конце 60-х — начале 70-х годов пользовалось около $\frac{3}{4}$ населения (табл. 2). Амхарский — «рабочий язык» в этапных пунктах миграций, включая мелкие административные центры и крупные придорожные деревни [6, с. 64, 65].

Поначалу многие миграционные маршруты в Аддис-Абебу носили четко выраженный этнотрудовой характер: гураге-уборщики, гураге-озеленители, позже — гураге-торговцы, дорзи-ткачи, волламо — строительные рабочие и т. п. Однако с начала 60-х годов этнотрудовая специализация все чаще стала заменяться социальным расслоением. «Верно, — говорится в работе К. Гуткина об урбанизации в Африке, — что мигрант попадает в город часто по каналам родства, но верно и то, что его пребывание там определяется, однако, прежде всего его... принадлежностью к городу, а не к этнической группе» [22, с. 180]; эту же мысль подчеркивает М. Глукман [20, с. 68]. Полиэтнические общности формировались не только в процессе расселения, но и по месту работы (например, на текстильных фабриках).

Положение подавляющего большинства мигрантов было чрезвычайно тяжелым. Бэкуре Уольдэ Сэмайт отмечает, что нищета и поиски заработка — две универсальные побудительные причины миграций в Аддис-Абебу [13, с. 11, 12]; но для многих мигрантов нищета и безработица остались уделом и их городской жизни. Известно, что предложение на рынке рабочей

**Исходные районы миграции
и языковая структура населения Аддис-Абебы**

Место рождения (провинция) мигранта	Число мигрантов, тыс.		Доля в об- щей числен- ности миг- рантов, %		Доля во всем насе- лении, %		Основной язык мигранта*	Доля в язы- ковой струк- туре всего населения, %	
	1967 г.	1976 г.	1967 г.	1976 г.	1967 г.	1976 г.		1967 г.	1976 г.
Арси	5,6	8,4	1,5	1,5	0,8	0,8	амхара (амхарский)	77,6	52,7
Бале	1,3	2,5	0,4	0,4	0,2	0,2			
Гамо-Гофа	16,5	18,9	4,5	3,4	2,4	1,7	гураге	7,3	15,9
Годжам	13,0	21,1	3,5	3,8	1,9	2,0			
Гондэр	9,8	14,3	2,7	2,5	1,4	1,3	оромо	6,4	19,2
Иллубабор	1,2	3,8	0,3	0,7	0,2	0,4			
Кэфа	6,5	6,9	1,8	1,2	0,9	0,6	тыграи	5,1	6,6
Сидамо	7,4	19,6	2,0	3,5	1,1	1,8			
Тыграй	14,8	23,8	4,0	4,2	2,2	2,2	дорзи	2,2	1,8
Уоллега	7,6	9,8	2,1	1,7	1,1	0,9			
Уолло	24,8	62,8	6,8	11,2	3,6	5,5	волайто	0,1	1,5
Харэрге	12,3	17,8	3,3	3,1	1,8	1,6	другие эфиопские языки	1,0	1,5
Шоа	225,9	331,6	61,5	58,9	33,1	30,2			
Эритрея	20,6	21,6	5,6	3,9	3,0	2,0	другие не- эфиопские языки	0,1	0,8
Итого . . .	367,3	562,9	100,0	100,0	53,7	51,2			
Родились в Аддис-Абебе	302,9	533,4			44,3	48,5	нет данных	0,2	—
Родились за пределами Эфиопии	13,3	3,4			2,0	0,3	Всего . . .	100,0	100,0
Всего . . .	683,5	1099,7			100,0	100,0			

Составлено по [29] — на октябрь 1967 г. и по [11] — на декабрь 1976.

* Расхождения в 1967 и 1976 гг. объясняются главным образом характером анкетных вопросов. В 1967 г. ответы давались на вопрос «язык, который вы обычно используете в домашнем обиходе», в 1976 г. — «ваш родной язык». Поэтому доля амхароязычного населения в 1976 г. фактически гораздо выше, чем 52,7%, во всяком случае не ниже, чем в 1967 г.

силы в африканских городах намного превышает спрос. Не была исключением и Аддис-Абеба, несмотря на некоторые структурные особенности формирования столичного рынка рабочей силы. В конце 60-х годов явная безработица в эфиопских городах составляла 5—10% трудоспособного населения; $\frac{2}{3}$ безработных были моложе 25 лет [17, с. 5, 50]. В Аддис-Абебе, как указывает Сылеши Сысайе, в канун революции доля безработных среди населения трудоспособных возрастов составляла 20% [31, с. 681]. Да и среди работающего населения доля не полностью занятых была еще в 1976 г. около 20%, в том

числе работавших менее 28 часов в неделю — около 11% (расчитано по [11, с. 23]). Основную часть безработных составляли люди неграмотные, не имеющие какой-либо специальности. Но и среди нашедших работу мигрантов — промышленных рабочих половина были неграмотны [13, с. 10]. Мигранты получали зарплату по существовавшему минимуму, были лишены какой-либо профсоюзной и тем более конституционной защиты. Их бесправное положение усугублялось психологическими сложностями адаптации.

Возрастающий приток мигрантов усиливал неравномерность размещения столичного населения. Погоня домовладельцев за максимальной жилищной рентой не только исключала поселение мигрантов в центральных районах города, но и вытесняла часть коренного населения на окраины. Другая причина перенаселенности окраинных районов — стремление мигрантов расположиться поближе к промышленным предприятиям, транспортным и ремонтным базам, складам, рынкам и т. д., т. е. потенциальным пунктам спроса на рабочую силу. Районы окраинного столичного (да и других городов) «мигрантского кольца» были не только кварталами высокой и сверхвысокой скученности, они отличались и самыми плохими жилищно-коммунальными условиями. На эти районы в середине 60-х годов в Аддис-Абебе приходилось 60% жилищ так называемого полупостоянного типа и более 80% импровизированных [6, с. 93].

В канун революции ускоренными темпами «вызревали» неустойчивые, промежуточные группы населения, «лишнего» и в деревне, и в городе. К предреволюционной Эфиопии полностью относится тезис марксистов-аграрников о том, что «наиболее ощутимым и социально болезненным выражением» этих процессов «является особая, численно быстро увеличивающаяся группа населения, состоящая из полудеклассированных пауперов и полностью деклассированных люмпенов» [4, с. 29].

Л и т е р а т у р а

1. Ленин В. И. Развитие капитализма в России. — Т. 3.
2. Ленин В. И. Второй Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов 25—26 октября (7—8 ноября) 1917 г.: Доклад о земле 26 октября (8 ноября). — Т. 35.
3. Ленин В. И. Телеграмма Сибревкому и губисполкомам. — Т. 51.
4. Аграрный вопрос и роль крестьянства на современном этапе национально-освободительной революции (Международная теоретическая конференция. Улан-Батор, 1978). Прага, 1978.
5. Гальперин Г. Л. Кофе в Эфиопии. — Страны и народы Востока. Вып. 9. М., 1969.
6. Гальперин Г. Л. Эфиопия: население, ресурсы, экономика. М., 1978.
7. Гальперин Г. Л. Эфиопия: революция и деревня. М., 1985.
8. Гальперин Г. Л. Эфиопия: спекуляции вокруг помощи. — Новое время. 1985, № 2.
9. Ульяновский Р. А. Победы и трудности национально-освободительной борьбы. М., 1985.

10. *Abate Alula, Tekle Tesfaye*. Land Reform and Peasant Associations in Ethiopia.— Case Studies of Two Widely Differing Regions.— North-East African Studies. 1980, vol. 2, № 2.
11. Addis Ababa Manpower and Housing Sample Survey. Dec. 1976.— Statistical Bulletin. Addis Ababa, 1977, № 15.
12. Basic Documents of the Ethiopian Revolution. Addis Ababa, 1977.
13. *Bekure Wolde Semait*. The Industrial Labour Force in the Addis Ababa Region before 1975 (Origins, Expectations and Realities).— The 7th International Conference on Ethiopian Studies. Lund, Apr. 26—29, 1982. Lund, 1982.
14. *Berlan E.* Addis Ababa. La plus haute wille d'Afrique. Etude géographique. Grenoble, 1963.
15. *Bondestam L.* Peoples and Capitalism in North-Eastern Lowlands of Ethiopia.— Journal of Modern African Studies. 1974, vol. 12, № 3.
16. *Cohen J. M.* Ethiopia: a Survey on the Existence of a Feudal Peasantry.— Journal of Modern African Studies. 1974, vol. 12, № 4.
17. Employment and Unemployment in Ethiopia. Report of the Exploratory Employment Mission Organized by ILO. Geneva, 1974.
18. Ethiopia. Statistical Abstract, 1964—1980. Addis Ababa, 1965—1982.
19. Founding Congress of the Workers' Party of Ethiopia. Central Report. Addis Ababa, 1984.
20. *Gluckman M.* Anthropological Problems Arising from the African Industrial Revolution.— Social Change in Modern Africa. L., 1961.
21. Guideline of the Economic and Social Development of Ethiopia (1984/85—1993/94). Addis Ababa, 1984.
22. *Gutkind C. W.* The African Urban Mileiu: a Force in Rapid Change.— Civilizations. 1962, vol. 12, № 2.
23. *Horvath R. J.* Towns in Ethiopia.— Erkunde. 1968, vol. 22, № 1.
24. *Klaus B. B.* Addis Ababa.— Geographische Rundschau. 1963, Bd. 15, № 10.
25. Land Area and Utilization: Results of the National Sample Survey Second Round. Vol. 5. Statistical Bulletin, 1975, № 10.
26. *Lapiso (Gebre) Dilebo*. Land Tenure, Underlying Cause of the Ethiopian Revolution.— Proceedings of the 5th International Conference on Ethiopian Studies. Session B. Apr. 13—16, 1978. Chicago, 1979.
27. *Mesfin Bezuneh*, Mabbs Zeno, Carl C. The Contribution of the Green Revolution to Social Change in Ethiopia.— Northeast African Studies. 1984, vol. 6, № 3.
28. *Mesfin Wolde Mariam*. The Rural-Urban Split in Ethiopia.— Dialogue. 1968, vol. 2, № 1.
29. Population of Addis Ababa. Results from the Population Sample Survey of Oct. 1967.— Statistical Bulletin. Addis Ababa, 1972, № 8.
30. Redistribution of Population in Africa. London—Nairobi—Ibadan, 1982.
31. *Seleshi Sisaye*. Urban Migration and the Labor Movement in Ethiopia.— Proceedings of the 5th International Conference on Ethiopian Studies. Session B. Apr. 13—16. Chicago, 1979.
32. *Shack W. A.* Urban Ethnicity and the Cultural Process of Urbanization in Ethiopia.— Urban Anthropological Cross-Culture Studies. N. Y., 1973.
33. Tackling the Ravages of Drought. Addis Ababa, 1985.
34. *Terfa Solomon*. Drought and the Ethiopian Revolution.— African Communist. 1979, № 78.
35. *Wood A. P.* Rural Development and National Integration: the Experience of Post-Revolution Ethiopia.— Geography. 1981, vol. 66, № 291.
36. *Wood A. P.* Spontaneous Agricultural Resettlement in Ethiopia: 1950—1974.— Redistribution of Population in Africa. London—Nairobi—Ibadan, 1982.
37. *Wood A. P.* The Decline of Seasonal Labour Migration to the Coffee Forests of South-West Ethiopia.— Geography. 1983, vol. 68, № 298.